

УДК 94(47)''1917/23''
ББК 63.3(2)612
Ш19

Шамбаров, Валерий Евгеньевич.

Ш19 Белогвардейщина. Неизвестная история Гражданской войны / Валерий Шамбаров. — Москва : Алгоритм, 2017. — 816 с.

ISBN 978-5-906979-30-8

Несмотря на бесчисленное количество книг и статей, посвященных братоубийственной бойне, Гражданскую войну в России по-прежнему следует называть неизвестной. Пытаясь освободиться от предвзятости, от безапелляционного деления участников тех событий на жертв и виновников трагедии, убирая неувязки между фактами и их истолкованием, Валерий Шамбаров восстанавливает историю Белого движения на всех фронтах Гражданской войны. «Белогвардейщина», пожалуй, лучшее за последние годы исследование, посвященное Белому движению.

УДК 94(47)''1917/23''
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-906979-30-8

© Шамбаров В.Е., 2017
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научно-популярное издание

Шамбаров Валерий Евгеньевич

**БЕЛОГВАРДЕЙЩИНА
НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Редактор *Н.В. Мезина*
Художник *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 16.08.2017.
Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 42,84.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906979-30-8

9 785906 979308 >

ОТ АВТОРА

Гражданская война... Сколько литературы о ней написано, какое огромное значение в истории России она занимает! И, тем не менее, ее до сих пор можно считать «неизвестной войной». Представления о ней десятилетиями создавались пропагандистскими потоками только с одной стороны, с советской. А пропаганда — она и есть пропаганда. Соотношение сил искажалось, изображение большевиков приукрашивалось, их противников — опошлялось и очернялось. Все, что не соответствовало подобным оценкам, попросту замалчивалось. И чем дальше уходили страшные годы гражданской, тем больше лакировалась картина войны. Кинофильмы, художественная и научно-популярная литература превращали ее в легенду, в некую красивую сказку, на примерах которой требовалось воспитывать молодежь.

Но и западные источники о русской трагедии грешат откровенно предвзятым подходом. Если разобраться, они тоже представляют собой пропагандистский штамп. Хорошо знакомый нам тупой и навязчивый штамп «демократической» идеологии. Поражения белых армий и правительств однозначно объяснялись их «недостаточной демократичностью», неумением привлечь крестьян уступками в аграрной политике. Правда, факты показывают обратное. Чем «демократичнее» вело себя какое-либо правительство, тем быстрее оно погибало. И какая аграрная политика могла быть хуже большевистской продрозверстки? Однако факты отменяются. Подобные взгляды прочно утвердились в западной исторической науке, а оттуда перекочевали в современную российскую.

К сожалению, страдают существенными недочетами и труды белых авторов. Их создавали проигравшие. Политики пытались задним числом доказать свою правоту, а вину свалить на других. Многие военные старались честно разобраться, почему же они были разбиты, но их кругозор оказывался слишком узким, ограничивался личными впечатлениями. Недостатки и отрицательные стороны в собственном лагере они невольно преувеличивали и выдвигали на первый план, зачастую упуская из виду, что у красных те же явления процветали в куда более крупных масштабах. А достижения и положительные стороны обычно преуменьшали или умалчива-

ли. Считали их бессмысленными, ведь ко времени написания мемуаров эти достижения уже погибли. Мучительно переживали ошибки и недочеты в той или иной операции. Вот если бы повернуть корпус в ином направлении! Если бы перебросить дополнительную дивизию! Сражение завершилось бы иначе, а там, глядишь...

Основных своих ошибок белые так и не осознали, или осознали слишком поздно. Увлечение теми же демократическими учениями, а отсюда разброд взглядов в самом широчайшем спектре — либералы, социал-демократы, эсеры, сепаратисты. Слепое доверие западным «союзникам». К монархической идее белогвардейцы смогли вернуться только в эмиграции, да и то не все. Вернулись после того, как в полной мере испробовали на себе пагубность прочей идеологической шелухи. Там же, в эмиграции, сумели оценить на своей шкуре черствость и подлость зарубежных «друзей»...

И все-таки, невзирая на вопиющие просчеты, Белое Движение было подвигом. Оно вобрало в себя лучших сынов России, самых горячих, самых искренних ее патриотов, готовых жертвовать собой за «единую и неделимую». Хотя бы за единую и неделимую, независимо от политических ориентиров. За такую Россию, чтобы была по-прежнему великой державой, чтобы ее никто не грабил, не растаскивал на части, не устраивал над ней чудовищных экспериментов. Белогвардейцы заслуживают того, чтобы рассказать о них.

Эта книга не касается глубинных корней революции, закулисных интриг и механизмов разрушения империи. Чтобы осветить данные вопросы, понадобились отдельные исследования, им посвящены другие работы автора. А перед вами — всего лишь полное описание гражданской войны. Но описание с малоизвестной и затертой, белой точки зрения.

1. ИМПЕРИЯ ПЕРЕД ГИБЕЛЬЮ

Наверное, сейчас уже для каждого здравомыслящего человека очевидно, что нигде и никогда социальные революции не являются нормальным, здоровым явлением. Классики марксизма, назвав их «локомотивами истории», мягко говоря, подтасовали факты. Буржуазная революция в Англии стоила восемнадцати лет войн, резни, виселиц, диктатуры Кромвеля. Великая революция во Франции обошлась в четверть века ужасов, массового террора, гильотин, наполеоновских войн и разрухи. А гражданская война в США унесла больше жизней, чем страна потеряла во всех внешних войнах, вместе взятых, и на столетия отбросила Америку в разряд второстепенных государств. Опыт России стал еще более страшным.

О причинах революции 1917 г. ученые спорят до сих пор. Одни выводят их еще из преобразований Петра, расколовших народ, другие из времен Николая I и Александра III, тормозивших реформы. Третьи, напротив, винят реформы, проведенные в правление Александра II и Николая II. Четвертые сводят эти причины к неизбежным издержкам перехода к капитализму и неудачам Мировой войны. Но стоит отметить одну важную особенность — если детально и всесторонне проанализировать ситуацию, то никаких весомых причин для революции, *собственно, и не было*. Потому что никогда после 1917 г. Россия не смогла достичь дореволюционного уровня благосостояния своих граждан!

Накануне гибели Российская империя была одной из ведущих мировых держав, зачастую выступала определяющей силой или третейским судьей во всех вопросах международной политики. Она находилась на взлете своей культуры, блистала целыми плеядами великих писателей, поэтов, художников, музыкантов, философов. Не зря начало XX в. прозвали Серебряным веком русской культуры.

Страна переживала бурный экономический подъем. За 50 лет объем промышленного производства вырос в 10—12 раз, а по некоторым показателям прирост получился просто баснословным. Химическое производство возросло в 48 раз, добыча угля — в 700 раз, нефти — в 1500 раз. Огромная держава покрылась сетью железных дорог, были освоены угольные месторождения Донбасса, созданы нефтепромыслы Баку и Гроз-

ного. Были построены такие гиганты, как Путиловский, Обуховский, Русско-Балтийский заводы, сформировались крупнейшие текстильные центры в Подмоскovie, Иваново, Лодзи. Текстильная промышленность полностью обеспечивала саму Россию, ее продукция широко шла на экспорт.

Но и сельское хозяйство, пищевая промышленность ничуть не уступали другим отраслям экономики. В нашей стране насчитывалось 21 млн. лошадей (всего в мире — 75 млн.). 60% крестьянских хозяйств имели по 3 и более лошади. От продажи за рубеж одного лишь сливочного масла Россия получала столько же прибыли, сколько от продажи золота. На мировом рынке продовольствия страна была абсолютным лидером, занимала первое место в мире по производству и экспорту зерна, сахара. Половина продуктов, продававшихся в Европе, производилась в России. Между 1890-м и 1914 гг. объем внешней торговли утроился.

По темпам роста промышленной продукции и производительности труда наша страна вышла на первое место в мире. По объему производства занимала четвертое, а по доходам на душу населения пятое место в мире. Впрочем, эти цифры определялись зарубежными исследователями и являются весьма некорректными. В системы экономики западных держав были включены их колонии и сырьевые приатки. За счет этого обрабатывающая промышленность метрополий получала высокие валовые показатели. Но «души населения» колоний в расчет не принимались. И если бы, допустим, к жителям Англии добавить население Индии, Бирмы, Египта, Судана, часть Китая и т.д., то реальная цифра «доходов на душу» оказалась бы куда ниже российской.

Средняя заработная плата рабочих в России была самой высокой в Европе и второй в мире (после США). По воспоминаниям Н.С. Хрущева, он даже в должности секретаря Московского горкома партии получал меньше и имел меньше благ, чем в бытность простым рабочим до революции. Ведущие предприниматели заботились не только о бытовых условиях и оплате, но и о культурном развитии своих работников, устраивали школы, поездки в театры, музеи, концерты знаменитостей. Об условиях труда красноречиво говорит тот факт, что большинство фабрик и заводов, выстроенных до революции, без существенной реконструкции проработали вплоть до конца XX века.

Конечно, существовали и проблемы. Например, в европейских губерниях России очень остро стоял земельный вопрос.

Крестьянам не хватало земли, они мечтали (и всячески старались) увеличить наделы. Но даже сама эта проблема говорила о многом. Русская деревня была перенаселенной, а не запустелой и заброшенной! А жители были умелыми и трудолюбивыми, готовы были вложить в работу еще большие усилия. Им предоставили такую возможность, Николай II и премьер-министр Столыпин начали масштабную переселенческую кампанию. 3 млн. крестьян, получая значительную поддержку от казны, смогли переехать и осваивать безграничные просторы Сибири, Алтая, Казахстана, Дальнего Востока (скажем, в Забайкалье бедняцкими считались хозяйства в 15 голов крупного скота плюс 30 овец. А богатыми считались люди с тысячными стадами и десятитысячными отарами).

Столыпин провел и аграрные реформы. Раньше земля принадлежала общине, подлежала периодическим переделам. По жребию хороший участок мог достаться пьянице, а рачительному хозяину — участок, вчера принадлежавший пьянице, заросший бурьяном. Теперь желающие имели право отделиться от общины, взять землю в постоянное пользование, получить ссуды для развития частного хозяйства.

Население России достигло 160 млн. человек и быстро росло. Рождаемость была очень высокой — 45,5 детей на 1000 жителей в год. И не за счет инородцев, а за счет русских. Иметь 5, 6, 8 детей в крестьянских семьях было обычным делом. По подсчетам Менделеева, во второй половине XX в. численность жителей России должна была перевалить за 600 млн. 30% детей получали среднее образование — заканчивали гимназии, реальные училища, земские школы. Почти все деревенские мальчики и девочки ходили в церковно-приходские школы, обучались закону Божию, чтению и письму. А в 1912 г. был принят закон о всеобщем начальном образовании.

Аппарат управления страны, о котором мы привыкли судить лишь по гипертрофированным карикатурам сатириков, был куда более отлажен и действовал куда эффективнее современного. На всю Россию насчитывалось около 250 тыс. государственных чиновников — вдесятеро меньше, чем при советской власти, не говоря уж о сегодняшних управленческих штатах. И при этом четко обеспечивал все функции жизнедеятельности государства. Еще сохранялось деление на сословия, но границы между ними стали уже очень зыбкими. Личное дворянство автоматически приобреталось с высшим образованием, награждением первым орденом, выслугой в первый офицерский или гражданский чин. А для получения

потомственного дворянства достаточно было профессорского звания, чина полковника или, соответственно, более высоких орденских и гражданских степеней. Но преимуществ это уже не давало ни малейших, превратилось в формальность.

Россия пользовалась всеми возможными политическими свободами. Существовала свобода слова, печати. Цензура с 1905 г. была упразднена, а в 1914 г. ввели только военную цензуру. Существовал двухпалатный парламент, Государственный Совет и Государственная Дума, в ней были представлены партии, вплоть до большевиков. Запрещалась разве что экстремистская и террористическая деятельность, но ведь это нормально для любого государства. Даже большевистская «Правда» издавалась легально, а когда ее все же закрывали за противозаконные публикации, возобновляла работу под другим названием с прежним составом редколлегии. Весь центральный аппарат политической полиции, знаменитого «Третьего отделения» насчитывал... три десятка офицеров. А по России и до тысячи не дотягивал. Смертная казнь применялась крайне редко — только в тех случаях, когда политика переплеталась с уголовщиной и террором.

Да, на фронтах Мировой войны случились серьезные неудачи. В 1915 г. страна пережила острый кризис с боеприпасами и вооружением, из-за этого нашим войскам пришлось отступить, оставить противнику Польшу, Литву, часть Прибалтики и Белоруссии. Но к 1917 г. положение полностью выправилось. Отечественная промышленность совершила в войну гигантский рывок, было построено 3 тыс. новых заводов и фабрик, старые модернизировались. Выпуск винтовок вырос в 11 раз, снарядов в 20, орудий в 10 раз. В производстве артиллерии наша страна обогнала Англию и Францию. Армия получила оружие и боеприпасы в таких количествах, что их хватило на всю гражданскую войну, да еще и осталось потом, раздаривалось большевиками дружественным правительствам.

Русские потери были большими, но отнюдь не катастрофическими. До февраля 1917 г. на всех фронтах было убито и умерло от ран около 600 тыс. солдат и офицеров (в Германии за тот же период — 1,05 млн., во Франции — 850 тыс.) Наши армии снова наступали, крушили неприятелей в знаменитом Брусиловском прорыве, заняли обширную территорию в Малой Азии, прорывались к Багдаду. А Германия дышала на ладан, исчерпала людские, продовольственные, сырьевые ресурсы. Ее союзники, Австро-Венгрия и Турция, были

разгромлены русскими, тайком от немцев пытались завязать переговоры о мире. На летнюю кампанию готовились мощные удары по врагам — и все данные говорят о том, что в 1917 г. война должна была завершиться. Победа русских и их союзников по Антанте была реальной и близкой.

Наша страна отнюдь не надорвалась, не была разорена и измочалена. Она сохранила колоссальный золотой запас. Во всех государствах, участвовавших в войне, было установлено строго нормированное снабжение, но не в России! У нее было в досталь продовольствия. После трех лет сражений карточки ввели только на сахар. На мясо, хлеб, рыбу никаких ограничений не существовало. В тылу, как в мирное время, сверкали огнями и манили деликатесами трактиры и рестораны. Правда, война вызывала транспортные трудности, случались перебои то с одними, то с другими товарами, этим пользовались торговцы, задирали цены. За дешевыми сортами продуктов выстраивались очереди...

Все эти причины были, конечно же, недостаточными, чтобы из-за них бунтовать, проливать кровь, совершать переворот. Но сказались факторы иного свойства. К началу XX в. значительная часть русского дворянства, интеллигенции, учащихся, оказалась заражена западными либеральными и демократическими теориями. Идеализировали Англию, Францию, искренне считали, что и для России будет лучше перестроиться по иноземным образцам. Слабели устои Православия. Многие начинали воспринимать веру на уровне красивых народных обычаев. Другие и вовсе отбрасывали ее. Слепо перенимали зарубежные оценки событий, чужие взгляды. Русские особенности государства, власть царя, Церковь, безоглядно относили к «реакционным институтам», а все, что противостоит им, причисляли к «прогрессивному». Доходило до того, что суды присяжных симпатизировали революционерам и террористам, оправдывали их под общие овалции.

Очень быстрое промышленное развитие России тоже дало побочные эффекты. С одной стороны, набрали вес крупные предприниматели и банкиры. Изрядно округлив состояния, они потянулись к политической власти — такой же, как у их западных коллег. Эти деятели верховодили в Государственной Думе, организовывали и финансировали оппозицию. Выдвигали проекты реформ, чтобы самим дорваться к рычагам управления страной. А с другой стороны, промышленный бум привел к значительному росту числа рабочих. Не только квалифицированных, но и чернорабочих, люмпенов, случайно-

го сброда. Подобная публика скапливалась в фабричных центрах, где можно найти временные заработки. Война усугубила этот процесс. Лучшие рабочие-патриоты уходили в армию. Даже те из них, кто имел броню на оборонных заводах, вставали в строй добровольцами. А на их места потянулись шкурники, именно в поисках брони. Для агитаторов и смутьянов формировалась самая подходящая почва.

Накопились противоречия и в деревне. Столыпинская реформа велась как раз по западным образцам. Но русские крестьяне не успели превратиться в крепких собственников-фермеров. Зато традиционные деревенские общины были разрушены. Люди утрачивали чувство единства, взаимопомощи, плеча соседей. Земля, прежде общая, становилась предметом раздоров. Разорившиеся крестьяне завидовали удачливым соседям, видели в них хищников, как бы обокравших односельчан.

А на всех этих слабостях успешно играли враги России. Ее внутреннее разложение во многом стало результатом целенаправленных диверсий. К началу XX в. правительства и спецслужбы великих держав уже отработали подобные методики — поддержать оппозицию, возбудить недовольство, спровоцировать волнения. Против России разрушительные технологии впервые были опробованы в период Русско-японской войны. Недовольство стало нагнетаться искусственно. Зарубежные газеты, а с их подачи и российские, всячески раздували масштабы поражений, было спровоцировано «Кровавое воскресенье». Советники царя настаивали на реформах, был издан Манифест от 17 октября, превративший Россию в конституционную монархию, даровавший ей политические свободы. Но это лишь подлило масла в огонь, революционерам открылась дорога для легальной деятельности. И в тот самый момент, когда наши армии на Дальнем Востоке готовились к решительному наступлению на врага, тылы были взорваны революцией.

Но в России еще возобладало здоровое начало. За веру, царя и Отечество поднялись патриоты, казачество, подавляющая часть вооруженных сил. Мятежи были легко подавлены. Правительство возглавил Петр Аркадьевич Столыпин. Не считаясь с воплями разбушевавшейся общественности, с мнениями иностранцев, он не побоялся разогнать слишком радикальную Думу. Ввел военно-полевые суды, ценой жизни немногих погромщиков и террористов остановил вакханалию анархии и преступности. Страна быстро преодолела раздрай,

вновь упрочила положение на международной арене, продолжалось ее мирное развитие.

Однако в этот же период, в 1907—1914 гг., усилилась раскачка государства. Ее вели и Дума, и либеральная пресса, принадлежащая российским толстосумам, и революционеры, а за ними стояли зарубежные покровители. Грянула Мировая война, и разрушительные технологии были запущены на полную катушку. Германия и ее сателлиты внедрили широкий план по развалу тылов противника. Радикальные революционные партии, сепаратистов, националистов напрямую брали на содержание. Ряд российских банков и фирм были тесно связаны с германскими, через них шло финансирование, осуществлялись экономические диверсии. Из-за границы проникала агентура: в разгар войны двери в нашу страну были широко открыты, в нее можно было свободно попасть через Швецию и Финляндию, входившую в состав империи, но не подчинявшуюся ее юрисдикции (именно из-за этого самому сильному разложению подверглись Балтфлот и Петроград).

Впрочем, к разрушению страны приложили руку не только ее противники, но и союзники. Россия выступала главным конкурентом Англии, Франции и Америки в мировой экономике. А сила и доблесть русских армий напугали «друзей». После войны пришлось бы учитывать требования царя, делиться плодами победы. Западные правительства и их агенты прилагали все усилия, чтобы не допустить этого. Иностранные дипломаты опекали думских либералов, подталкивали добиваться кардинальных реформ. Оппозиция наглела, позволяла себе безобразные выходки. А когда царь и правительство пытались прижать Думу, на ее защиту вставали те же иностранцы! Союзники. Разве можно было не считаться с ними?

А в результате получалось, что враги и «друзья» России, ее собственный парламент, пресса, реформаторы, революционеры, даже патриоты, поддавшиеся влиянию союзников, действовали в одном направлении. Каждый преследовал свои цели, нередко противоположные друг другу, каждый мечтал о своем, но раскачку вели вместе. Многие были и впрямь убеждены: если изменить основы государственности, русским это пойдет только на пользу. Остальных настойчиво убеждали, внушали представления о недостатках «царского режима». Впечатление от побед старались подпортить, распространялись версии о невиданных потерях. Неудачи преувеличивали, объявляли национальным позором. Временный кризис со снабжением (он проявился во всех воюющих странах) объясняли не иначе как «отсталостью царизма».

Русские люди в то время были избалованы избытком, высоким уровнем жизни — на этом тоже играли. Подогревалось возмущение даже небольшими трудностями военного времени, подорожанием, нехваткой каких-то товаров. Очереди за продуктами представляли как настоящее оскорбление человеческого достоинства. Лидеры Думы захлебывались жаркими речами, либеральные и демократические газеты критиковали каждый шаг правительства, все шире бурлили забастовки рабочих — их подбивали все кому не лень, а они и рады были побузить, потребовать повышения зарплаты (и без того высокой).

Николай II был честным, отзывчивым, благородным человеком. Но по натуре очень мягким. За подавление революции 1905 г. его оплевала вся западная общественность, клеймила как «палача» и «убийцу» (хотя в Англии или Франции любой бунт подавлялся куда более жестоко, чем в России). Царь больше не хотел такой славы, суровых мер по наведению порядка не предпринимал. Конфликт с оппозицией он старался уладить миром — ведь свои, русские, неужели нельзя договориться хотя бы на время войны? Шел навстречу, снимал членов правительства, вызывавших нападки общественности. Но выходило еще хуже. Атмосфера в стране накалялась. Вместо опытных министров назначались лица случайные, некомпетентные. Пролезали интриганы или деятели, которые просто сумели понравиться Николаю II, как министр внутренних дел Протопопов. Он полностью игнорировал тревожную обстановку, успокаивал царя и царицу бодрими докладами — все в порядке, ситуация под контролем.

Но бездействие власти подрывало авторитет государя. А смутьяны всех мастей делали все возможное, чтобы совсем порушить его. Распространялись грязные лживые сплетни про царицу, про Распутина. Добавилась еще более страшная клевета — дескать, при дворе свила гнездо измена. Отсюда и нехватки со снабжением, отступление, царица и ее окружение тайно пересылаются с немцами. К началу 1917 г. заговорщики, изменники и их иностранные подстрекатели добились своего. Николай II потерял опору даже среди монархистов. Кто-то мало-помалу поддавался потокам порочащих слухов. Кто-то видел, что империя катится к гибели, но считал, что для ее спасения нужен другой царь, более решительный, энергичный, способный навести твердый порядок. А между тем, ситуация подошла к критической грани, Петроград превратился в настоящую пороховую бочку. Как это нередко бывает, грозные события начались неожиданно...

2. ФЕВРАЛЬ

Революция — стихия... Землетрясение, чума, холера — тоже стихия. Однако никто не прославляет их, никто не канонизирует...

И.А. Бунин

Февральская революция выглядела стихийным взрывом. Но сказалась интенсивная раскачка страны либеральной оппозицией, разными революционными партиями, заговорщиками, очень активно этому поспособствовали иностранные спецслужбы. А в результате положение страны стало очень неустойчивым. По меткому выражению председателя Государственного Совета Щегловитова, на одном полюсе общества оказались «паралитики власти», а на другом — «эпилептики революции». Назревал конфликт давно, но никаких мер для его лечения — ни «профилактических», ни «хирургических» — не предпринималось. И прорвался он внезапно.

Искрой в бочке пороха стали всего лишь трехдневные перебои в Петрограде с черным хлебом. Только с черным — белый, чуть подороже, лежал свободно. Для этого имелись и объективные причины — снежные заносы, помешавшие подвозу муки. Пошли слухи; что на хлеб введут карточки, и дефицит тут же усилился: хлеб начали скупать на сухари. Все большее число людей, отстоявших «хвост» — т.е. очередь, которые и без того возмущали тогдашних россиян, — оставались с пустыми руками. По нынешним временам и не заметили бы. А в начале века это было неслыханно! И 23 февраля взорвалось. Город забурился. Наложился еще ряд факторов. По старому стилю 23 февраля — это 8 Марта, Международный женский день. Как всегда, по случаю «пролетарских праздников» социалисты готовили очередную забастовку. Не какую-то экстраординарную, а рядовую, как бы «плановую» — лишний раз о себе заявить. Тем более что стачкомы оборонных предприятий щедро подкармливались германской агентурой (естественно, через благодидное посредничество нейтральных лиц, чтобы рабочие не отшатнулись от такой «помощи»). Эта забастовка никакого размаха не получила, но некоторые цеха и заводы все же откликнулись, на работу не пошли. Ну а кроме того, после долгих морозов и метелей выдался погожий денек, и улицы были полны гуляющей публики. Стихийные волнения начали, как снежный ком, обрастать народом.

Забастовщики ринулись агитировать и звать за собой другие заводы. Неуправляемые толпы, в которые затесалось много подростков, буйнов с рабочих окраин, просто хулиганья, принялись громить продуктовые лавки и магазины. Что-то разворовывали, а больше разбрасывали и втоптывали в снег, голода никакого не было, и продуктов лежало полно, хотя во время войны они и подорожали. Накапливаясь, толпы хлынули от окраин к центру, подпитываясь там за счет студентов, курсисток и прочих сочувствующих. К одним обидам приплюсовались другие, из воплей «хлеба!» стали рождаться крики «дойлой!». Кое-где образовывались стихийные митинги, разгонялись полицией, но тут же перетекали в другие места. К вечеру волнения вроде утихли, но на следующий день возобновились с новой силой. Теперь уже забастовали почти все заводы, и то же самое повторилось с гораздо большим размахом.

Еще можно было предотвратить катастрофу, навести порядок. Но царь находился в Ставке, в Могилеве, а его правительство было уже далеко не то, что в 1905—1907 гг. Мало-мальски деловые люди из него постепенно изживались под давлением «общественности», Думы. А на их места выдвигались серенькие, безвольные функционеры или любимцы той же «общественности», тайно подыгрывавшие ей. На момент кризиса в столице оказался, наверно, наихудший состав правителей из всех возможных. Никаких действий против беспорядков практически не предпринималось. Как-нибудь само уляжется, ведь волнения и прежде случались. Два дня о событиях в столице даже не докладывали царю! Он, правда, получал тревожные сигналы от председателя Думы М.В. Родзянко, от частных лиц, но они тонули в бодрых докладах весьма сомнительной личности — министра внутренних дел Протопова, военных и гражданских властей.

А положение в Питере обострялось стремительно. Войдя во вкус и чувствуя безнаказанность, разбушевавшиеся толпы били витрины, останавливали и переворачивали трамваи. Полиция цепочками в 10—20 человек противостоять многотысячным шествиям не могла. Городовых забрасывали камнями, льдом, досками. Кое-где из толпы раздавались и револьверные выстрелы. Среди полиции появились раненые, а потом и первые убитые, а самим им применять оружие запрещалось. В середине дня 24.02 градоначальник Балк запросил войска. Однако казаки, выехав на улицы, никакой помощи полиции не оказывали. На третьем году войны в Питере находились уже не прежние отборные служаки, выученные бороться с беспорядками, а обычные станичники с бору по сосенке —

кто после фронта, кто от сохи. У них и нагаек не было, а боевое оружие использовать запрещали. Что ж, с кулаками переть на толпу? А многие сочувствовали демонстрантам и считали уличный разгон недостойным себя делом. Кроме того, формально казаки не были подчинены полиции. По планам военного времени, составленным все тем же Протопоповым, в случае беспорядков общее руководство их подавлением переходило к военным властям. В Петрограде ее принял командующий округом ген. Хабалов, личность в практическом отношении не менее бездарная. Боевым генералом он не был, продвигался по линии военно-учебных заведений, затем побыл губернатором Уральской области и по протекции получил теплое место в столице. Точно так же и на местах не военные командиры поступали в распоряжение полицейских начальников, а наоборот. А военным командирам все это было до лампочки, многие из них даже города как следует, не знали. Поэтому казаки в лучшем случае сопровождали городовых, подкрепляя их своим видом. А на просьбы о реальной помощи не реагировали. И при столкновениях с демонстрантами оставались сторонними наблюдателями. Мало того, 25.02 при разгоне митинга у памятника Александру III какой-то казак (пьяный? идейный? или просто дурак?) зарубил шашкой пристава Крылова. Молва разнесла слух об этом «подвиге» по всему городу, и казаков затопили морем симпатии — качали на руках, кормили и напавали, славили «казаки за нас!». Чего еще станичнику надо?

Ненадежных казаков перестали выпускать из казарм. Но столичная пехота была ничуть не лучше. По традиции здесь квартировала гвардия. Точнее, настоящие гвардейские полки были на фронте, а в Питере остались от них запасные батальоны для формирования пополнений. Численность их была огромной, каждый батальон с хорошую дивизию, в ротах по полторы тысячи. Главным образом только что призванные новобранцы. Попадали сюда и после лазаретов, попадали пойманные дезертиры и отбывшие срок преступники. Сюда же направляли местных, питерских призывников (а поскольку на большинстве заводов была броня, этот контингент оказывался вообще сомнительным — из безработных и чернорабочих, не подлежащих бронированию). Офицеры — из инвалидов, из только что окончивших училища, из умеющих устраиваться в тылу. Да и было их по штатному составу — как на нормальный батальон. Они не только своих солдат, но и унтеров порой не знали, разве это возможно в такой массе, постоянно меняющейся? Ни о какой толковой подготовке